

Основные принципы и законы живого слова: историко-теоретическая систематизация в рамках Общей теории

Basic principles and laws of the living word: historical and theoretical systematization within the framework of the General Theory

Аннушкин В.И.

Д-р филол. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», г. Москва
e-mail: annushkin1620@mail.ru

Annushkin V.I.

Doctor of Philological Sciences, Professor, State Institute of the Russian Language named after A.S. Pushkin, Moscow
e-mail: annushkin1620@mail.ru

Комаров В.В.

Канд. психол. наук, доцент, ООО «Воронежский институт организационного развития», г. Воронеж
e-mail: voronegcity@rambler.ru

Komarov V.V.

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Voronezh Institute of Organizational Development, Voronezh
e-mail: voronegcity@rambler.ru

Лазарев А.И.

Учредитель историко-филологического фонда имени А.А. Хованского, г. Воронеж
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Lazarev A.I.

Founder of Historical and Philological Foundation named after A.A. Khovansky, Voronezh
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Аннотация

В статье предложена историко-теоретическая систематизация феномена «живого слова», и дано его аксиоматическое описание в рамках разрабатываемой Общей теории живого слова (ОТЖС). Материалом послужили ключевые линии русскоязычной традиции, в которых живое слово выступает как богословская и педагогическая практика, философско-антропологическая категория и филологический объект (от античной диалектики до концепций внутренней формы, ценностной природы смысла и звучащей речи). Сформулированы принципы, задающие условия возможности живого слова: диалогическая обращённость, энергичная действенность, контекстуально-кайротическая определённость, трёхуровневая целостность формы и конструктивно-психагогическая направленность. Показано, что эти принципы позволяют вывести ядро законов ОТЖС как регулярностей структуры и динамики речевого события и тем самым перейти от метафорического употребления живого слова к теоретически контролируемому метаязыку диагностики коммуникативных практик. В Приложении 1 дана краткая апробация метаязыка на

двух кейсах (педагогический диалог и цифровая публичная дискуссия), демонстрирующих примеры различения режимов и механизмов для перехода от деструктивной коммуникации к конструктивному взаимодействию.

Ключевые слова: история науки, история языкознания, научные школы, институционализация научного знания, живое слово, Общая теория живого слова, коммуникативная экология, синергичность.

Abstract

This article offers a historical–theoretical systematization of the phenomenon of the “living word” and proposes its axiomatic description within the emerging General Theory of the Living Word (GTLW). The analysis draws on key lines of the Russian-language tradition in which the living word functions as a theological and pedagogical practice, a philosophical–anthropological category, and a philological object—from ancient dialogics and psychagogy to theories of inner form, the axiological nature of meaning, and sounding speech. The paper formulates five principles that define the conditions of possibility of the living word: dialogical directedness, energetic efficacy, contextual–kairotic determination, a three-level integrity of form, and constructive psychagogical orientation. It is shown that these principles make it possible to derive a core set of GTLW laws understood as regularities of the structure and dynamics of the speech event, thereby moving from the metaphorical use of the living word to a theoretically controlled metalanguage for diagnosing communicative practices. Appendix 1 provides a brief pilot application of this metalanguage to two cases (a pedagogical dialogue and a digital public discussion), illustrating modes and mechanisms by which destructive communication may be transformed into constructive interaction.

Keywords: history of science, history of linguistics, scientific schools, institutionalization of scientific knowledge, living word, General Theory of the Living Word, communicative ecology, synergy.

Случайности в истории исторически закономерны.

А. Давидович

Введение

Как показывает историко-теоретический анализ, разработка *Общей теории живого слова* (ОТЖС) является принципиальным и закономерным ответом на прогрессирующий кризис коммуникации и обосновывает необходимость синтеза разрозненных знаний о слове как о силе, создающей человеческую реальность, и инструменте, формирующем тип сознания. Основываясь на этом синтезе, возможно перейти от описания частных проявлений и интерпретаций живого слова в различных дисциплинах к формулированию его инвариантных, сущностных *принципов и закономерностей*. Эти принципы, описывающие не только лингвистические правила, но и онтологические и прагматические базовые аксиомы или обобщения (согласно которым слово обретает «жизнь», превращаясь из нейтрального знака в событие, преобразующее сознание, отношения и культуру), образуют концептуальный каркас и задают рамку ОТЖС.

Коммуникативная ситуация последних десятилетий всё чаще описывается через метафоры распада и деструкции: рост речевой агрессии и поляризации, ускорение и клиповизация смыслов, вытеснение диалога мобилизацией, превращение публичной речи в инструмент управления вниманием, а повседневного общения – в набор реакций и сигналов. Цифровая среда не столько изобретает эти явления, сколько делает их видимыми и массовыми: высказывание легко отделяется от контекста, цитата – от интенции, а энергия речи – от ответственности. В этих условиях вопрос о «качестве слова» становится антропологическим: речь не только описывает, но и конструирует тип сознания и режим отношений; следовательно, требуется теоретический язык, позволяющий различать жизнотворные и разрушительные режимы коммуникации. Именно поэтому ощущается потребность в категории, которая в русскоязычной традиции давно живёт на пересечении

богословия, философии, филологии и педагогики, – в категории *живого слова*, представляемой современными исследователями в качестве *этнокультурной константы языкового сознания* [1] и *антропологической инициативы российского образования* [13]. Однако исторический опыт показывает, что до сих пор живое слово чаще функционировало как значимая фундаментальная метафора [28], методическое требование или интуитивный критерий, чем как теоретически оформленный объект. В исторической ретроспективе живое слово обнаруживает себя как своего рода «бродячий сюжет» [14]: мотив, переходящий из богословского и педагогического контекстов в философский и филологический, меняющий акценты, но сохраняющий инвариант – противопоставление слова как события и слова как формального знака. Именно эта «кочевая» судьба понятия объясняет одновременно его устойчивость в языковом сознании и теоретическую расплывчатость, и потому актуальная задача ОТЖС состоит в переводе этого «архетипического мотива» в режим понятийной систематизации. На этом основании в современном исследовательском контексте (в том числе в рамках работ по актуализации наследия *Школы живого слова*) возникает необходимость перехода от частных трактовок к целостной рамке, способной описать эту базовую метафору как явление в его полноте – как причину, как телеологическую силу и как смысловое событие. В этой связи показателен вопрос о двух перспективах развития теории коммуникативных качеств речи – через анализ стилевых новаций в модернизации образования и через выявление новых качеств речи как характеристик и свойств речевой деятельности [2]. Настоящая статья занимает позицию второго направления, предлагая систематизацию атрибутов «живого слова» и их перевод в статус принципов и законов ОТЖС как метаязыка диагностики речевых практик.

Таким образом, статья исходит из предпосылки, что подобной рамкой может стать *Общая теория живого слова* (ОТЖС) – не просто междисциплинарный набор подходов, а интегральная дисциплина, которая задаёт единый *объект исследования* и обладает *специфической методологией*, *критерием научности* и *метаязыком* его изучения, верификации и описания [21]. Цель работы состоит в том, чтобы на основе историко-теоретической реконструкции русско-церковнославянской языковой традиции перевести живое слово из режима интуитивного критерия в режим теоретически операционального понятия, предложив аксиоматику и ядро законов разрабатываемой *Общей теории живого слова*. Для этого решаются три задачи: во-первых, рассмотреть ранее выделенные атрибуты живого слова в статусе ключевых *принципов*, выступающих условиями возможности бытия живого слова; во-вторых, показать, каким образом из этих принципов выводятся *законы* живого слова – устойчивые регулярности его структуры и динамики; в-третьих, наметить критерии диагностики «живости/омертвения» речевых практик в современном коммуникативном ландшафте, включая цифровую среду. При этом поставленные задачи рассматриваются разнопланово: с одной стороны, они носят фундаментально-теоретический характер (уточнение предмета и оснований теории), с другой – обращены к практической перспективе (коммуникативная экология и жизнотворные формы взаимодействия).

Научная новизна статьи заключается, во-первых, в предложении аксиоматического набора принципов ОТЖС, которые описывают живое слово как системное явление: оно обращено диалогически, энергично действенно, контекстуально и кайротически определено, структурно и целостно представлено и конструктивно-психагогически направлено; во-вторых, в чётком разграничении *принципов* и *законов* живого слова как разных типов теоретических утверждений: законы понимаются здесь как описание устойчивых механизмов – от трёхуровневой организации слова (нормативной, апперцептивной и ценностно-традиционной) до закономерностей превращения психического потенциала речи в созидательные либо разрушительные действия (в логике *construdo/destrudo*); в-третьих, статья вводит контур *коммуникативной экологии* как прикладного измерения *Общей теории живого слова*, где речь рассматривается как средообразующая сила, и потому теория получает критерии оценки не только истинности, но и меры, времени, ответственности и эффекта воздействия.

Результатом проведённой систематизации стало: а) связанное описание ключевых *принципов* живого слова как основания ОТЖС; б) выделение *ядра законов*, упорядоченных по типам (онтологические, процессуальные, архитектурные, аксиологические и функционально-экологические), что придаёт теории внутреннюю стройность и снимает разнородность частных дисциплинарных подходов; в) выработка диагностических ориентиров, позволяющих различать живое слово, *мёртвую речь* и формы *псевдоживости* – ситуации, когда высокая энергетика высказывания сочетается с подавлением ответственности и разрушением смысла. Наконец, чтобы не оставлять теоретические положения в режиме декларации, статья сопровождает их краткой апробацией на конкретном материале, где показывается, как метаязык ОТЖС работает в анализе педагогического диалога и цифровой публичной дискуссии, то есть в двух типичных пространствах современной коммуникации (см. *Приложение 1*). В качестве основного результата выступает структурированная модель, позволяющая рассматривать живое слово одновременно как событие смысла, как действие и как средообразующую силу, задающую критерии коммуникативной экологии в условиях цифровой эпохи.

Методологически работа опирается на *интегративный синтез*: кросс-дисциплинарное сопоставление с целью выделения инвариантов, логико-генетическую реконструкцию (как от метафоры и практики перейти к понятийной системе), а также герменевтический анализ смысловых узлов речевой коммуникации, в которых живое слово обнаруживает свою со-бытийность и действенность.

Важным аспектом научного анализа представляется разграничение уровней теоретического описания, в котором методологическое различие *принципов* и *законов* выступает методическими рамками теории: если *принципы* фиксируют условия возможности живого слова (то, без чего оно превращается в «сигнал» или «текст»), то *законы* описывают регулярность в отношениях, в которых (при заданных условиях) речевое событие разворачивается предсказуемым образом, демонстрируя типовые переходы (например, от смыслового напряжения к символизации или от отмены ответственности к деградации смысла). Другими словами, *принципы* вводятся как аксиоматика, тогда как *законы* обеспечивают объяснительную и прогностическую функции ОТЖС. Такое разграничение защищает теорию от двух крайностей: от морализаторской декларативности, когда живое слово превращается в лозунг, и от чисто лингвистического редукционизма, когда слово понимается как форма без аксиологической и этической глубины.

Здесь надо отметить, что в ходе первичной разработки *Общей теории живого слова* на основании историко-теоретического материала *диалогичность*, *обращённость к Другому*, *целостность*, *синергичность* и *своевременность* (*кайротичность*) фиксировались прежде всего как *атрибуты* живого слова, то есть как его устойчивые феноменологические признаки в традиции и практике [20]. В данной статье те же *атрибуты* рассматриваются в более строгом статусе *принципов* – как условий возможности: при их нарушении слово утрачивает со-бытийность и редуцируется к иному режиму речи (сигналу, клише, манипулятивному воздействию). Законы же, повторим, описывают механизмы, посредством которых данные *атрибуты* воспроизводятся, трансформируются или разрушаются в динамике речевого события. Иначе говоря, *атрибуты* описывают *что* характеризует живое слово, *принципы* – *при каких условиях* это возможно, *законы* – *как* это происходит.

Таким образом, ОТЖС приобретает статус интегральной дисциплины и утрачивает черты механической междисциплинарности. Её объект – это живое слово как речевое событие, в котором объединены: *смысловая со-бытийность* (слово не просто «имеет значение», а «порождает понимание»), *действенность* (слово изменяет состояния и отношения), *адресность* и *ответность* (слово включено в пространство Другого), *контекстуально-временная определённость* (слово «попадает» или «не попадает» в ситуацию), а также *структурная целостность формы* (согласование нормативного, личностного и ценностного слоёв). Под «ответностью» здесь понимается принципиальная активно-ответная направленность речи и понимания (в традиции, восходящей к М.М. Бахтину

[3]); именно она делает возможной самокоррекцию смысла в диалоге и служит критерием различения живого слова и безответной речи.

Помимо обозначения *принципов* и *законов*, важным контекстуальным фактором в ОТЖС является различение *трёх онтологических модусов*: во-первых, «живое слово» – как нормативный идеал и критерий речевой культуры; во-вторых, «мёртвое слово» – как нейтрализованная, клишированная или формализованная речь, утрачивающая событийность; в-третьих, «псевдоживое слово» – как высокоэнергетическое высказывание, которое за счёт риторической выразительности и апелляции к ценностям производит эффект жизни, но структурно отменяет ответственность и потому склонно к деструктивному вектору (*destrudo*), если не следует соборным целям. Теория, претендующая на общность, должна уметь различать эти модусы не по тематике и не по жанру, а по принципиальному устройству живого речевого акта.

Для аналитики такого параметра, как динамика, вводится терминологическая пара «потенциал–действие», или «амбивалентность–амбитендентность». Под *libido* в метаязыке ОТЖС понимается жизненный, созидательный потенциал психики, реализуемый в коммуникации (стремление к связи, смыслу, сотрудничеству); под *mortido* – потенциал разрушения (напряжение, агрессия, обесценивание, разрыв). Эти потенциалы не тождественны речевому действию. В речи они актуализируются как *construdo* (созидательное действие: построение общего смысла и связи) или *destrudo* (разрушительное действие: подрыв диалогичности, унижение, исключение, разрыв). Данная матрица используется не как догматическая психоаналитическая тетрада, а как операциональная схема разметки *амбитендентности* речевого воздействия. Для описания траекторий разрешения противоречий в коммуникации используются термины *конфликтогенез* и *консенсусогенез*: первый обозначает нисходящий сценарий, в котором противоречие переживается как угроза и ведёт к росту *destrudo*; второй – восходящий сценарий (*construdo*), в котором противоречие понимается как задача и переводится в совместный поиск конструктивного решения – *консента* [24]. В логике ОТЖС эти различия связываются с центральным механизмом: *синергийной актуализацией* живого слова, т.е. сопряжением энергийного потенциала, смысловой работы и ценностного горизонта в едином речевом действии.

Выявление принципов ОТЖС в материале исследования позволяет концептуализировать метафору живое слово, придавая ей теоретическую плотность и обозначая её динамическое развитие – от общих онтологических к конкретным прагматическим принципам: первый из которых – диалогической обращенности – вытекает из классической античной философии (Сократ, Платон, Аристотель); второй – энергийной действенности – опирается на русскую философско-богословскую (Вл. Соловьев, П. Флоренский, С. Булгаков, А. Лосев и др.) и поэтико-символическую школу (А. Белый, В. Иванов, О. Мандельштам и др.); третий – контекстуальной и временной (кайротической) обусловленности – исходит из разработок частных теорий, формулирующих свои «законы» для живого слова в своей системе, но не способных описать их в интегральном ключе при переходе от одной дисциплины к другой, в частности – в Московской духовной академии (архиепископ Амвросий) и петроградском Институте живого слова (*общее введение в теорию живого слова* Л.В. Щербы, *теория звучащей речи* С.И. Бернштейна, *теории интонации* В.Н. Всеволодского-Гернгросса, *теория ораторской речи* К.А. Сюннерберга и др.), а также – из соответствия *паррессии* и *кайроса* (М. Фуко, Ж. Деррида и др.); четвертый принцип – целостности (холистичности) – в связи с *интерфейсной теорией значения* в психолингвистике (А.А. Залевская) и переходом от дихотомии *внешней* и *внутренней* форм (А.А. Потебня) к трихотомии с дополнением третьей – ценностно-насыщенной ипостаси (М.М. Бахтин); пятый – конструктивной направленности – из классического противопоставления *эвристики* и *эристики*, или *живой риторики* (истинной диалектики) и *мертвой риторики* (софистики).

1. Историко-теоретическая ретроспектива метафоры живое слово. Историко-теоретический формат статьи оправдывает необходимость хоть и краткого, но более подробного и последовательного изложения ретроспективы бытия фундаментальной

метафоры живое слово в философском, богословском, педагогическом и филологическом аспектах. Итак, в русско-церковнославянской двуязычной традиции эта *базовая метафора* фиксируется в церковнославянских текстах не позднее XVII в. Ранние употребления этой метафоры обнаруживаются в *церковнославянском языке русского извода*, начиная с XVII в., а в *русском литературном языке* она появляется в связи с переводом «Апостола» с *литургического языка на национальный* в начале XIX в. В частности, в одном из письменных памятников XVII в. – «Временнике Ивана Тимофеева»: «Владычества же и царюя тогда во градѣ всѣми само живое Слово Божіе Премудрости, соблюдая и промышляя и содержа градъ» [37]. В другом источнике второй половины того же века эта метафора проявляется в подобном богословском контексте: «[Известно] изъ Апостола, что насъ родило [духовно] не тѣло, а живое Слово Божіе, и вотъ мы теперъ съ нимъ уже родные братья» [22]. В XVIII в., в произведении Григория Сковороды «Начальная дверь к христианскому добронравию», а конкретно – в рассуждении «О промысле, особенном для человека», речь уже заходит о силе Живого Слова в христианском воспитании: «Важнѣйшее дело Божіе есть: одну безпутную душу оживотворить духомъ своихъ заповѣдей, нежели изъ небытія произвести новый земной шар, населенный беззаконниками. <...> Вѣчная сія премудрость Божія во всѣхъ вѣкахъ и народахъ неумолчно продолжаетъ рѣчь свою, и она не иное что есть, какъ повсемѣстнаго естества Божія невидимое лицо и Живое Слово, тайно ко всѣмъ намъ внутрь гремящее. Но не хотимъ слушать совѣтовъ ея, одни за лишениемъ слуха, а самая большая часть – по несчастному упрямству, отъ худаго зависящему воспитанія» [36].

В источнике начала XIX в. это словосочетание обретает светское содержание и обращает внимание на аффективно-психологическую действенность живой речи: «Умные красноречивые люди увлекательнее всякой книги: читая книгу, ты имеешь время поразмыслить и остеречься, а живое слово действует так внезапно, что не успеешь и опомниться, как ты уже в его власти» [17]. Здесь надо отметить, что в «Словаре Академии Российской» (1789-1794) в числе эпитетов, присовокупляемых к слову, живое не обнаруживается и впоследствии фиксируется, в частности, в «Толковом словаре живаго великорусскаго языка» у В.И. Даля: «*Живым словом победить*» [15].

В педагогическом и филологическом контексте появление метафоры живое слово связано главным образом с «Филологическими записками» (ФЗ), где она становится путеводной звездой редактора-издателя А.А. Хованского, поставившего уже в первом номере своего журнала (1860) на первое место в обучении родному языку *живое литературное слово* и обозначившего этой базовой метафорой главную идею самого издания, а также и направление его научно-педагогического исследовательского вектора: «Общими соединенными усилиями развивать и разъяснять разные научные вопросы – разрабатывать науку о слове, упрощать самое изложения ея и преподавание и делать ее более доступною и популярною наукою, с тем чтобы журнал стал живым органом и проводником всех современных вопросов, касающихся разработки и изучения родного языка» [41]. В дидактическом плане этот оборот восходит к числу крылатых римских выражений *viva vox docet* (с лат. *живое слово учит*) или *viva vox alit plenius* (с лат. *живое слово питает обильнее*) из второго цикла писем Плиния Младшего, относимых исследователями к концу I – началу II в. н.э. Однако на русский язык эти письма были переведены только в середине XIX в. Примерно в ту же пору дидактическое упоминание этой метафоры попадает в «Журнале Министерства народного просвещения»: «Живое слово Наставника, исходящее из глубины души его, нравственно настроенное, есть лучший проводник к развитию ума и сердца юношей» [38].

В философском контексте, мысли о живом слове в противопоставлении к письменному начинают проявляться в связи с переводами на русский язык диалогов Платона, в частности «Федра», где обнаруживаются предпосылки для осмысления диалектической природы этого метафорического сочетания (здесь следует отметить, что первый перевод диалога «Федр» на русский язык был осуществлен священником Иоанном Сидоровским вкупе с «коллежским регистратором, находящимся при общежитии благородных девиц» Матфием Пахомовым ещё в конце XVIII в., затем в XIX в. – профессором Санкт-Петербургской Духовной Академии

В.Н. Карповым и уже в начале XX в. академиком С.А. Жебелёвым, и т.д.). Вместе с тем в отечественной философской литературе появляется и интерес к диалектике живого слова, а также складывается система контекстуальных значений этой базовой метафоры. Библиографически же, в связи с диалогами Платона *ж и в а я м е т а ф о р а* впервые фиксируется во введении к переводу «Федра» С.А. Жебелёва в 1922 г. [33], тогда как во введении к переводу В.Н. Карпова письменности противопоставляется еще *ж и в о й г о л о с* [34].

Из русских философов, обращавшихся в духе Платона к *живознающей силе слова*, можно назвать А.С. Хомякова. В частности, его основной, но незавершенный философско-исторический труд «Записки о всемирной истории» («Семирамида») [42], где философ-славянофил противопоставляет «живознающее слово» (т.е. дающее жизнь) – «мертвенной букве» (мертвящей букве), имея в виду противопоставление, касающееся его критики западного рационализма (логики, формального права) и восхваления соборности и цельности духа в православии. Как *общее место* мысли о силе слова встречаются и в творчестве философа-западника П.Я. Чаадаева, называвшего слово «действующей силой речи» и «глаголом творящим» [44].

В богословско-педагогическом контексте *ж и в о е с л о в о* является миру в пособии по гомилетике с одноименным заглавием харьковского арх. Амвросия (Ключарева), читанном в 1883-1884 гг. на лекциях в Московской духовной академии, где архиепископ утверждал, что «понятие о живом слове могло сложиться во всей полноте и ясности только в христианском мире», поскольку «по буквальному смыслу оно есть слово дающее, возбуждающее и направляющее жизнь» [4]. По существу, заглавная метафора акцентирует преемственность русской литературной традиции от церковнославянской и служит своеобразным «маркером жанра», указывающим на особенный духовный смысл живой фразеологической единицы [8]. В этом пособии по гомилетике автор высказывает идею о необходимости разработки *т е о р и и ж и в о г о с л о в а* и основании специальных кафедр, замечая с иронией, что, судя по господствующим в его время предрассудкам, это предложение «будет принято так же, как триста лет назад было бы принято желание учредить университеты, клиники, обсерватории, консерватории и пр.» [4: 11].

В первые десятилетия XX в. эта фундаментальная метафора стала источником вдохновения для прямых последователей гумбольдтианско-потемнинской теории языка – русских поэтов-символистов, таких как А. Блок, Н. Гумилев, О. Мандельштам, В. Брюсов, В. Иванов, К. Сюннерберг, но, пожалуй, в самой значительной мере – для А. Белого, посвятившему наследию лингвистов статьи «Мысль и язык (философия языка А.А. Потемни)» и «Магия слов», где *ж и в о м у с л о в у* поэт уделяет особое внимание, противопоставляя его «слову-термину» и отмечая, что «жизненные» процессы в них идут в противоположных направлениях: «Слово термин – прекрасный и мертвый кристалл, образованный благодаря завершившемуся процессу разложения живого слова. Живое слово (слово-плоть) – цветущий организм» [10]. Символисты отстаивают идею «живого» языка и «живой» речи, «живого» слова в противовес слову «мертвому» [32]. Для А. Белого эта метафора в противоположность мертвому термину: «выражение сокровенной сущности моей природы; и поскольку моя природа есть природа вообще, слово есть выражение сокровеннейших тайн природы» [10].

Однако ещё раньше символистов-акмеистов, в самом начале века, к «живому слову» в агитационном ключе обратился В.И. Ленин в своем программном труде «Что делать?» (1902), где связал базовую метафору с революционной агитацией и необходимостью воспитания соответствующих кадров [27]. В первые революционные годы, в связи с преобразованиями российского общества в целом и науки в частности, интерес к этой *концептуальной метафоре* [45] получил новый импульс в стенах Института живого слова (ИЖС), учрежденного в Петрограде в 1918 г.

С этими переменами связано разделение близких по смыслу, но лишь отчасти синонимичных терминов – *живое слово* и *звучащая художественная речь*: *если* живое слово стремилось объять значительное количество разных сфер, включая политическую речь (митинговая речь, устная агитация и т.д.), устный фольклор, художественную сферу, обращаясь разом к символизму, словарю В.И. Даля, библейской традиции, а также к работам

актера, педагога, теоретика декламации и автора книги «Музыка живого слова» Ю. Озаровского [31], *то* понятие звучащая художественная речь, появившееся благодаря творчеству С.И. Бернштейна, было сфокусировано на устных формах существования художественной литературы, или на теории декламации (звучащего стиха) как новой искусствоведческой дисциплины [11]. В среде сторонников словесного научного направления появляются мысли о разработке теории живого слова; программу курса лекций «Общее введение в теорию живого слова» должен был читать Л.В. Щерба, но материалы к этим лекциям не сохранились и об их содержании можно судить лишь по аннотации в программе. Однако создать полноценную «теорию живого слова» Л.В. Щербе так и не довелось (как и «теорию звучащей художественной речи» С.И. Бернштейну). Все эти начинания, включая институтскую деятельность Л.П. Якубинского и К.А. Сюннерберга, направленную на развитие теории ораторской речи, остались в российской науке без продолжения и более с тех пор никем не предпринимались [12].

Значимый шаг к развитию теоретического осмысления природы живого слова был сделан более полувека спустя профессором Тверского университета А.А. Залевской в рамках разработки психолингвистической интерфейсной теории значения, где контекстуальное содержание метафоры раскрывается через понимание *внутренней* и *внешней* форм слова [30], а сама метафора служит одним из ключевых объяснительных инструментов научных терминов и является «живой», поскольку включена в индивидуальную когнитивно-аффективную систему знаний и переживаний человека [18].

Залевская выделяет две ипостаси живого слова (в связи с его двойной онтологией), благодаря которым достигается взаимопонимание между носителями разных языков и культур. Одна ипостась обращена к социуму, а другая – к продуктам переработки индивидом вербального и невербального опыта познания и общения: «а) обращённая к социуму ипостась значения обеспечивает саму возможность взаимопонимания при общении (т.е. «разделяемое знание»); б) обращённая к индивиду ипостась значения «высвечивает» в голограмме образа мира индивида некоторый объект во всем богатстве его признаков, связей, отношений, выводных знаний, учитываемых на разных уровнях осознаваемости» [18]. Примечательно, что, прибегая в описании сущности живого слова к метафорическому заимствованию такого церковнославянского понятия, как ипостась, А.А. Залевская оставляет в стороне собственно церковнославянскую форму (о которой писал М.М. Бахтин [9]), коллективно-единая сущность которой также имеет значение в достижении взаимопонимания между носителями разных языков и прежде всего христианских культур.

Проектная логика ОТЖС позволяет обозначить границы применимости психолингвистической теории интерфейсного значения (А.А. Залевская), в рамках которой не находится места для третьей – *церковнославянской формы* (М.М. Бахтин), или *ипостаси слова*, исполненной Духом, поскольку теория А.А. Залевской построена не на религиозной мысли о наличии у слова души (по крайней мере, в контексте русско-церковнославянского двуязычия), а развивает материалистическую идею о соотношении слова с высшими психологическими функциями рефлексивного характера в понятийных рамках современного научно-литературного русского языка.

В завершении этого ретроспективного экскурса необходимо отметить, что интегративная логика ОТЖС требует не просто перечислить эти пласты, а собрать их в единую картину: понять, что именно сохраняется как инвариант при смене эпох, дисциплин и контекстов, и какие закономерности проявляются в речевой деятельности независимо от жанра и медиума. Рассматривая, согласно этой логике, живое слово как «бродячий сюжет» в русскоязычной традиции, уместно обозначить в качестве перспективного направления для дальнейших исследований анализ генетических взаимосвязей между дисциплинами и институтами – от античной диалогии и психагогии (от ψυχαγωγία: ψυχή – «душа» и ἄγω – «вести», т.е. в буквальном значении – «ведение души» [33; 39]) к гомилетике, филологическим теориям формы и смысла и педагогическим методикам. Такой ракурс позволяет выделить не столько разнообразие употреблений, сколько повторяющееся *инвариантное ядро*.

2. Принципы (атрибуты в статусе условий возможности) живого слова.

Диалогическая обращённость

Первым условием возможности живого слова является *обращённость к Другому* или *ответность*. В данном контексте *ответность* понимается не как жанровая форма (не обязательно «диалог» в бытовом смысле), а как онтологическое устройство смысла. В античной традиции слово, связанное с *диалектикой* и *майевтикой*, ценится потому, что оно допускает встречный вопрос и корректировку; именно эта способность «говорить кому следует» отличает слово как живой акт от монологичной (безответной) фиксации. В бахтинской перспективе это получает строгую формулировку: слово ориентировано на чужую реакцию, смысл возникает на границе сознаний, а понимание структурно включает ответ (диалогизм М.М. Бахтина позволяет увидеть в бинарностях не только взаимоотрицание, но и взаимное конструирование; снятия противоречий при этом не происходит, но возникает понимание фундаментальной зависимости *construdo* не только от позитивного, но и от негативного полюсов бинарных оппозиций). Богословская гомилетика и педагогическая эвристика обнаруживают ту же закономерность в практиках обращения: проповедь и обучение оказываются действенными не потому, что содержательно «правильны», а потому, что входят в отношение с живой душой, учитывают обратную связь и допускают внутреннее изменение адресата. Проповедь как живое слово инициирует «вертикальный диалог» (человек – Бог) и «горизонтальный резонанс» в общине, будучи обращенной к живой душе слушающего здесь и сейчас. В педагогическом контексте эффективность живого слова в обучении основана не на монологе учителя, а на эвристическом диалоге, субъект-субъектном со-беседовании, где ответ ученика является неотъемлемой частью процесса рождения знания.

В теоретическом метаязыке ОТЖС *диалогическая обращённость* означает два минимальных требования. Во-первых, высказывание должно быть адресным: иметь различного адресата и предполагаемую цель, которая допускает понимание, а не только подчинение. Во-вторых, оно должно оставлять место *ответности*: возможности вопроса, возражения, уточнения, а также способности говорящего корректировать меру и формулировку. В противном случае включается механизм омертвления: слово утрачивает событийность смысла и превращается в монологический сигнал. Отдельной патологией выступает *псевдодиалог* – внешняя имитация обращения (вопросы, «обсуждение») при фактической отмене ответственности и заранее заданном результате. В образовательной и публичной коммуникации это различие позволяет объяснить распространённый парадокс: чем выше скорость обмена и чем сильнее «контентная» насыщенность, тем чаще участники испытывают дефицит понимания. С позиции ОТЖС причина состоит в подмене ответственности реактивностью: реакция может быть мгновенной, но не является ответом, если не включает попытки соотнести смысл с позицией Другого.

Энергичная действенность

Второй принцип утверждает, что слово обладает действенностью, выходящей за пределы семантики. Под «энергичностью» в ОТЖС понимается не метафизическая субстанция, а аффективно-волевая сила речевого акта, измеряемая его способностью изменять состояние, мотивацию, ориентиры внимания и конфигурацию отношений. В богословской перспективе слово мыслится как духовная (животворящая) сила, способная оживать и преображать; в русской философско-символистской линии – как динамическая энергия духа (энергема) [19], противопоставленная «мертвому продукту» значения (термину) [25]. Психолингвистические подходы демонстрируют, что слово активизирует целостные комплексы памяти и переживания, вовлекая субъекта не только когнитивно, но и экзистенциально. При этом практика публичной речи показывает, что действенность тесно связана с интонацией, темпом, паузой, импровизацией, т.е. с воплощённостью речевого акта. Импровизированная речь передает волнение оратора слушателям, создавая «двойное впечатление».

Принцип энергичности необходим для различения живого слова и формальной корректности. Текст может быть грамматически и эстетически безупречен, логически связан, но «мертв» – если не вызывает движения мысли и воли. Вместе с тем высокая энергия не гарантирует живости: она может обслуживать *destrudo* (давление, травлю, манипуляцию).

Следовательно, энергичность должна анализироваться совместно с принципами диалогичности и психагогической направленности: живость предполагает не просто силу, а силу, работающую на смысл и связь. Для операционализации принципа в рамках ОТЖС целесообразно различать по крайней мере три наблюдаемых индикатора действенности: *изменение распределения внимания* (на что адресат начинает смотреть и что игнорировать), *изменение мотивации* (появление/исчезновение готовности к действию и сотрудничеству), *изменение отношения к Другому* (рост доверия и признание достоинства либо усиление подозрения и обесценивания). Эти индикаторы позволяют обсуждать «энергию слова» без обращения к натуралистическим или мистическим интерпретациям.

Контекстуально-кайротическая определённость

Третий принцип фиксирует зависимость живого слова от контекста и времени. Смысл и эффект высказывания определяются не только содержанием, но и положением в поле (ср. с *динамической психологией* К. Левина [26]): культурой, статусами, историей отношений, психологическим состоянием участников, жанром и медиумом. *Кайрос*, в философских интерпретациях *парресии* [39], обозначает не столько «удачный момент», сколько ответственное согласование истины, меры и времени: сказанное не вовремя может стать деструкцией даже при истинности содержания. Филологическая традиция подчёркивает историко-культурную укорененность слова: значение рождается в конкретной ценностной ситуации и потому меняет силу при смене контекста [5]. Богословско-педагогическая практика демонстрирует зависимость действенности от готовности адресата: слово становится событием лишь тогда, когда оно соразмерено нужде и восприимчивости. Проповедь и школьные назидания эффективны, когда обращены к актуальным нуждам аудитории и произносятся в момент её готовности к восприятию.

В ОТЖС контекстуально-кайротическая определённость задает критерий уместности, но не в бытовом смысле «вежливости», а как условие ненасильственной передачи смысла. Патологии здесь типичны: «истина невпопад» (высказывание как травма), контекстная слепота (игнор различий силы и уязвимости), вырванность из контекста (цитатность, мемификация, клиповая переинтерпретация), приводящая к деградации смысла и росту *destrudo*. Таки образом, *парресия* и *кайрос* выступают здесь как этические принципы, нарушение согласования которых приводит к энергичному загрязнению коммуникативного пространства и служит источником деструктивности.

Трёхуровневая целостность формы

Четвёртый принцип описывает внутреннюю архитектуру слова и преодолевает редукции, характерные для частных подходов. Живое слово является целостностью, в которой согласованы: нормативно-внешний слой (общезначимая форма, обеспечивающая взаимопонимание), апперцептивно-внутренний слой (индивидуальный образ и личностный смысл, оживляющий значение), и ценностно-традиционный слой (надличностная матрица, связывающая слово с общностью и предельными смыслами). Потембнянская концепция внутренней формы позволяет понять, как слово порождает смысл в акте апперцепции; бахтинская мысль фиксирует ценностную природу высказывания и его диалогичность; русско-церковнославянское двуязычие как частная культурная конфигурация делает третий, соборный, слой наглядным, однако в *Общей теории* он понимается шире – как уровень ценностной коллективно-единой традиции, проявляющийся в разных культурах по-разному.

Целостность означает, что внешняя выразительность служит смыслу, внутренний образ не разрывает общезначимость, а ценностный слой не подменяется риторической имитацией. При этом «соборный» уровень не сводится к религиозной лексике: в светских контекстах его роль может играть язык права, академической нормы, профессиональной этики, а также устойчивые символические коды общности [23]. Смысл принципа в том, что живое слово удерживает связь индивидуального высказывания с надличностным горизонтом, иначе речь либо распадается в произвол, либо превращается в голую технику влияния. Отсюда вытекают типовые патологии омертвления: гипертрофия внешнего (техника без содержания), гипертрофия внутреннего (субъективизм и распад общности), фальсификация ценностного слоя (ритуальная «высота» при отмене ответственности и милосердия). В таких случаях речь может

выглядеть «яркой», но перестаёт быть живой в контексте ОТЖС. Подлинно живое слово – это *синергичное явление* [43], где материальная оболочка, личностный смысл и ценностный ореол нераздельны (холистичны), поэтому анализ и созидание воистину живого слова требуют учета всех трех уровней.

Конструктивно-психагогическая направленность

Пятый принцип задаёт нормативный вектор: живое слово в своём высшем проявлении ориентировано на *психагогию* – ведение к истине и благу через совместное рождение понимания и сохранение достоинства адресата. Исторически эта установка проявляется в античной *майевтике* и *истинной диалектике*, где слово служит поиску общего блага, и в противопоставлении *эвристики* – *эристике*, где слово становится оружием частной победы. В прикладном плане это подтверждает методика «Живое слово», ориентированная на эвристический диалог, цель которого – не вложить в ученика готовое знание, а пробудить его собственную мысль [40]. Таким образом педагогическая традиция живого слова подтверждает, что конструктивность определяется не мягкостью и не компромиссностью, а направленностью к росту: пробуждением собственной мысли у Другого, расширением ответственности и удержанием общности при сохранении различий [6].

Данный принцип необходим для различения живого слова и *псевдоживости*. Последняя часто мимикрирует под заботу, истину или справедливость, но структурно организована как насилие: отмена диалогичности, унижение, исключение, мобилизация. В ОТЖС конструктивность фиксируется не по самоописанию говорящего, а по устройству речевого акта и его результату: увеличивает ли речь способность к совместному пониманию и действию или, напротив, производит разрыв и смысловое уплотнение.

3. Законы живого слова.

Переход от *принципов* к законам задаёт уровень механизмов: если принципы отвечают на вопрос, что делает слово возможным как живое, то *законы* описывают, как слово разворачивается в речевом событии и какие регулярности воспроизводятся при соблюдении или нарушении принципов. Ниже приводится *ядро законов* ОТЖС, сгруппированное по функциям (онтологические, процессуальные, архитектурные, аксиологические, функционально-экологические); такая группировка сохраняет системность и избегает простого дублирования принципов.

Законы ОТЖС образуют не плоский перечень, а иерархию по типу теоретической зависимости. На верхнем, конститутивном уровне располагаются законы, задающие сам критерий «живости»: *закон синергичной актуализации* (живое слово как режим сопряжения энергийного потенциала, смысловой работы/воли и ценностного горизонта, порождающий *construdo*) и *закон диалогической генерации смысла* (смысл как событие ответственности и самокоррекции, а не монологический сигнал). Далее следуют законы архитектуры феномена, описывающие, на каких слоях удерживается этот режим (*трёхуровневая актуализация слова*: нормативный, апперцептивный и ценностно-традиционный уровни; *воплощённость речевого акта* как условие действительности). Третий уровень составляют динамические законы переходов, объясняющие превращение потенциала в действие и воспроизводство режимов общения (*libido/mortido* → *construdo/destrudo*; символическая трансформация *destrudo* в *construdo*; резонансное усиление; сценарии *конфликтогенеза* и *консенсогенеза*). Наконец, нормативно-экологические законы фиксируют следствия этой динамики для ответственности и среды (*ненасильственная психагогия* как запрет структурного речевого насилия, *коммуникативная экология* и *обратное преобразование субъекта*), выступая производными от верхних уровней и задавая прикладную рамку диагностики и проектирования речевых практик.

Онтологический контур задаётся, во-первых, *законом синергичной актуализации*: живое слово возникает тогда и постольку, поскольку речевой акт реализует *синергичное сопряжение* аффективно-волевого потенциала (*libido/mortido*) с логосом и волей к созиданию, а также со сверхличностным ценностно-смысловым горизонтом; при распаде сопряжения энергия переходит в *destrudo* либо в «немую» *mortido*. Во-вторых, *законом трёхуровневой актуализации*: в речевом событии взаимодействуют нормативный, апперцептивный и ценностно-традиционный уровни, а «живость» является функцией их согласованности;

рассогласование ведёт к редукции смысла к знаку, субъективизму или ритуальной фикции. В-третьих, *законом диалогической генерации* смысла: смысл возникает в пространстве ответственности и самокоррекции; отмена ответственности переводит высказывание в режим лозунга/директивы. Наконец, *законом амбивалентной действительности*: один и тот же речевой потенциал может реализоваться как *construdo* или *destrudo*, поэтому энергичность сама по себе не является критерием живости.

Историко-философской иллюстрацией того, как нарушение условий ответственности приводит к «омертвлению» при сохранении внешней действительности, служит платоновский мотив *pharmakon*: в «Федре» Сократ трактует письмо как средство, которое поддерживает память и передачу [34], но вместе с тем способно подменять *живое знание* логоса *симулякром* – «повторением без знания» и «отсроченным *logos*'ом», где исчезают ответственность и самокоррекция [16]. В интерпретации Ж. Деррида эта двойственность радикализуется в оппозиции логос/грамма, где письмо мыслится как «след», одновременно сохраняющий и «омертвляющий» присутствие голоса [35]. В терминах ОТЖС *фармакон* показывает, что при медиальной фиксации (аналоговой или цифровой записи) происходит структурный сдвиг: усиливается нормативно-внешний слой (фиксированность, повторяемость) и ослабляются условия диалогической генерации смысла; тем самым возрастает риск перехода к *мёртвому* или *псевдоживому* слову. При этом в *фармаконе* следует различать *амбивалентность* (двойную ценностную валентность «лекарство/яд») и *амбигуэнтность* его действия (двойную направленность к различным исходам: *construdo* или *destrudo*), которая проявляется в зависимости от того, удержан ли *синергичный контур* и сохранена ли *ответственность*.

Процессуальные законы описывают динамику перехода от потенциала к действию. *Закон векторной актуализации* утверждает, что *libido/mortido* как потенциалы превращаются в *construdo/destrudo* как действия – через смысловую работу и ответственность: потенциал не предопределяет результата, но задаёт напряжение, требующее оформления. *Закон символической трансформации* фиксирует возможность перевода *destrudo* в *construdo* через символизацию: артикуляцию переживания, прояснение потребности, восстановление адресности и меры, что позволяет заменить разрядку конструкцией общего смысла. *Закон резонансного усиления* объясняет самовоспроизводимость коммуникативных режимов: речь усиливает в адресате те компоненты, с которыми она сонастроена; *construdo* вызывает готовность к сотрудничеству, *destrudo* активирует защиту и ответную агрессию, ускоряя распад диалога. Иначе говоря, качество резонанса (созидательное или разрушительное) зависит от соотношения энергий в слове и состоянии говорящего и слушателя.

В прикладном плане эта динамика может быть описана через два устойчивых сценария. *Конфликтогенез* начинается с восприятия противоречия как угрозы: нарастает *mortido*, активируются эго-защиты, и речь быстро переходит в *destrudo* (обвинение, ярлык, обесценивание), после чего восстановление возможно лишь через трудоёмкую сублимацию/трансформацию и катарсический «разрыв» с прежним способом говорения. *Консенсусогенез*, напротив, предполагает восприятие противоречия как задачи: *libido* поддерживает поисковую установку, а *construdo* проявляется как совместное уточнение, распределение рисков и выработка общего решения без отмены различий. ОТЖС рассматривает эти сценарии как диагностические траектории, позволяющие прогнозировать направление диалога по ранним признакам.

Архитектонический контур задаётся *законом воплощённости*: действительность слова зависит от его телесно-интонационного исполнения, темпа, пауз, эмоциональной включённости; поэтому отделение «содержания» от «способа произнесения» приводит к потере или искажению воздействия. В связке с ним работает *закон имплицитной доминанты*: высказывание действует одновременно на осознаваемом и неосознаваемом уровнях, и скрытые установки (превосходство, стыжение, агрессия) могут определять эффект сильнее, чем явные тезисы. Эти законы необходимы для практической диагностики *псевдоживости*, когда внешняя выразительность маскирует *destrudo*.

Аксиологический контур задаётся *законом ответственности* за действенность: чем выше преобразующая сила речевого акта, тем выше ответственность говорящего за его последствия; ссылка на *паррессию* недостаточна без учёта *кайроса*, меры и адресата (здесь уместно вспомнить формулу М.М. Бахтина «не-алиби в бытии» [7]). Из него следует *закон ненасильственной психагогии*: живое слово в нормативном ядре несовместимо с речевым насилием, поскольку насилие отменяет диалогичность и переводит действенность в *destrudo* даже при формальной корректности содержания. *Закон творящей функции* постулирует, что живое слово не просто описывает, но и творит новую реальность отношений и смыслов; его сила измеряется способностью порождать новое понимание. Эти законы задают границу между живым словом и *манипуляцией*. При этом необходимо отметить, что живое слово несовместимо не с деструктивностью как таковой, а со структурным речевым насилием: отменой диалогичности, унижением достоинства и превращением адресата в объект принуждения. Впрочем, в условиях *сильного контекста* (команда, высокий риск, дефицит времени) допустимы жёсткие корректирующие акты, включая иронию или упрёк (то есть формально деструктивные), если они сохраняют режим «МЫ», нацелены на действие (а не на личность) и ведут к *конструдо* – укреплению координации и смысловой связи.

Функционально-экологический контур фиксирует средовые эффекты речи. Творящая функция слова понимается здесь как *средовой эффект*: речь воспроизводит тип отношений и горизонты смысла в сообществе. *Закон обратного преобразования* утверждает, что слово меняет не только адресата, но и говорящего: *construdo* укрепляет собранность и открытость, *destrudo* закрепляет агрессивные схемы и сужает горизонт смысла. *Закон коммуникативной экологии* формулирует средовой итог: распределение *construdo/destrudo* определяет качество речевой среды; доминирование *destrudo* производит «смысловой вакуум» (уплощение, ярлыки, цинизм), доминирование *construdo* – «диалогический резонанс» (рост совместного понимания и способность удерживать различия без распада общности).

В анализе исторических трансформаций метафоры живое слово выявляется специфический характер социальных отношений, который можно определить как *закон властно-институциональной кривизны смыслового поля*, объясняющий как при высокой асимметрии власти (институциональной «массы» или «веса» говорящего/инстанции: доступ к каналам распространения, санкции, монополия на легитимацию, дисциплинарный контроль) коммуникативное поле «искривляется» настолько, что сильные, культурно нагруженные, концептуальные метафоры и ценностные формулы имеют тенденцию захватываться доминирующим дискурсом и переинтерпретироваться в частных целях. Типовой эффект такого «захвата» – *редукция ответственности* (диалога) и превращение формулы в инструмент монолога (управления, мобилизации, подавления альтернативных смыслов). В терминах ОТЖС это соответствует переходу от *формально живого слова* к *псевдоживости*: высокая энергичная действенность сохраняется или усиливается, но *синергичный контур* (энергия + логос + ценностный горизонт + ответственность) разрушается.

Наконец, *закон двух путей речевого развития* (как мета-закон) устанавливает, что разрешение диалектических противоречий реализуется в двух устойчивых модусах, зависящих прежде всего от *типа сознания участников* и их способности удерживать синергичный контур: для обладателя *конфликтного типа сознания* противоречие воспринимается в логике *конфликтогенеза* и реализуется в схеме, где противоречие переживается как угроза → нарастает мортидо → актуализируется *деструдо* → реализуется конфликт; обладателем *консенстного типа* противоречие рассматривается в логике *консенсусогенеза*, где противоречие понимается как потенциал и задача → актуализируется *либидо* и *конструдо* → совместный поиск → реализуется *консенсус* (цель речевого события здесь – не победа или разрядка, а преобразование энергии в разделяемое понимание). Доминирование одного из модусов (*конфликтогенеза/ консенсусогенеза*) является диагностическим признаком качества коммуникативной культуры и зрелости системы (семья, группа, организация, общество).

Заключение.

Историко-теоретическая реконструкция позволяет рассматривать фундаментальную метафору *живое слово* как устойчивый феномен русскоязычной традиции и одновременно как кандидата на теоретически строгий объект интегральной дисциплины. В рамках ОТЖС *живое слово* описывается не как стилистическое качество и не как противопоставление устного и письменного (логос/грамма), а как речевое событие, обладающее условиями возможности и воспроизводимыми механизмами. Пять принципов – диалогическая обращённость, энергичная действенность, контекстуально-кайротическая определённость, трёхуровневая целостность формы и конструктивно-психагогическая направленность – задают аксиоматику, позволяющую различать *живое*, *мёртвое* и *псевдоживое* слово, а также объяснять типовые траектории омертвления (монологизация, клиширование, контекстная слепота, фальсификация ценностного слоя, эристическая подмена психагогии).

Сформулированное *ядро законов* переводит ОТЖС из описательного режима в объяснительный и частично прогностический. Законы фиксируют структуру слова (уровни актуализации), механизм генерации смысла (диалогичность), амбитендентную динамику перехода от потенциала к действию (*libido/mortido* → *construdo/destrudo*), возможности символической трансформации, а также средовые эффекты речи, формирующие коммуникативную экологию. Мини-апробация на предложенных примерах показывает, что метаязык ОТЖС пригоден для аналитики как педагогической, так и цифровой коммуникации, т.е. для зон, в которых современный кризис слова проявляется наиболее заметно.

Методологическое значение этих законов состоит в выявлении: а) *объяснительной силы*, позволяющей системно определять успешность/неуспешность коммуникации; б) *прогностической функции*, дающей возможность предсказывать вектор развития диалога; в) *преобразующего потенциала*, создающего основу для методов речевой терапии и педагогики; г) *диагностического инструментария*, предоставляющего критерии для анализа и диагностики речевых практик (по соотношению конфликтных и консентных исходов в коммуникации можно диагностировать общий энергетический профиль и зрелость любой системы – будь то семья или организация).

Эти законы образуют не просто сумму правил, а *целостную систему*, где каждый закон вытекает из предыдущих и подготавливает последующие, отражая сложную диалектику энергичных преобразований в речевой деятельности. Такой подход превращает ОТЖС из описательной модели в полноценную научную теорию с большим эвристическим и практическим потенциалом. Разумеется, эти законы не претендуют на абсолютную полноту, а только задают основу для понимания динамики *живого слова* в рамках ОТЖС и могут служить основой для дальнейших исследований, диагностики и развития речевой практики.

Понимание законов ОТЖС служит защите языкового сознания и дает носителям речевой культуры возможность критически противостоять деструктивным формам *псевдоживой* речи – манипулятивной риторике, уплощённому цифровому общению, – которые эксплуатируют энергию, но убивают соборный смысл. В этом, собственно, и заключается задача ОТЖС – описать единые законы, управляющие всеми частными проявлениями *живого слова*, и создать метаязык для их описания.

Перспектива дальнейшей разработки ОТЖС связана с уточнением диагностических индикаторов (в том числе операционализацией «энергичной действенности» через наблюдаемые параметры), расширением сравнительно-культурного материала и эмпирической проверкой отдельных гипотез на корпусах реального дискурса. Тем не менее уже на текущем этапе ОТЖС задаёт концептуальные основания для практик речевого оздоровления: разработки этики публичного высказывания, педагогических и медиативных технологий, а также критериев оценки коммуникации в цифровой среде, где скорость и тиражируемость речи требуют более строгого контроля меры, ответственности и вектора воздействия. Отдельного внимания требует также вопрос соотношения общей и культурно-специфической перспектив. Поскольку русскоязычная традиция делает ценностно-традиционный слой слова особенно явным (в том числе через опыт диглоссии), возникает методическая задача: отделять универсальный

механизм (надличностный горизонт смысла) от его локальных исторических форм. Предлагаемая модель решает эту задачу, сохраняя «соборность» как теоретическую функцию и описывая её эмпирические воплощения как вариативные. Такой ход поддерживает общность ОТЖС и делает возможным последующие исследования.

Приложение 1.

Приложение предлагает краткую апробацию метаязыка ОТЖС посредством наглядных примеров и призвано продемонстрировать его прикладную применимость.

Пример 1. Педагогический диалог с отсылкой к традиции *Школы живого слова* (конструдо в действии)

Ситуация: преподаватель и студент обсуждают тезис: «Свобода – это отсутствие ограничений».

Фрагмент речи (нейтрально смоделирован):

- Преподаватель: «Попробуем уточнить: речь о внешних запретах или о внутренней способности выбрать? Приведите пример».

- Студент, следующий традициям *Школы живого слова*, вспоминает высказанную в «Филологических записках» мысль (в статье «О свободе и власти», 1906) [29], что свобода, как и истина, имеет относительную ценность и оправдана лишь в добродетелях, тогда как в злодеяниях свобода недопустима, и формулирует ответ: «Как конструктивность парресии зависит от кайроса, так и свобода может быть безгранична только в добродетели; да и то с учетом афоризма А. Лазарева: «Зло – это либо недостаток, либо избыток добра».

Разметка по принципам:

- *Диалогичность:* вопрос-ответ, пространство для уточнения, допущение изменения позиции.

- *Энергичность:* напряжение направлено в смысл (не в стыжение), энергия – собранная, не давящая.

- *Кайрос/контекст:* преподаватель не «опровергает», а выбирает момент для уточнения и расширения.

- *Целостность:* внешняя форма (тон, паузы) согласована с внутренним смыслом (помочь родиться мысли).

- *Психагогия:* цель – рост понимания, а не демонстрация превосходства.

Диалогическая обращённость и диалогичность в этом примере позволяют развернуть смысл: уточнение вводит ценностный слой ответственности, а напряжение незнания переводится в мыслительную работу и вспоминанию. Энергичная действенность здесь реализуется как *construdo*: речь организует совместное понимание, а не разрядку или стыжение. В терминах законов это иллюстрирует диалогическую генерацию смысла и символическую трансформацию потенциального конфликта (страха ошибки) в конструктивную работу.

Пример 2. Цифровая публичная дискуссия (конфликт → возможный консент)

Ситуация. В чате жильцов обсуждают установку шлагбаума во дворе.

Деструктивный старт (псевдоживость):

- Участник А: «Кто против шлагбаума – тот за бардак. Хватит ныть!»
- Участник В: «Ты сам бардак. Тебе лишь бы командовать!»

Поворот к консентогенезу (возможная терапия речи):

- Модератор/участник С: «Давайте разделим: 1) цель (безопасность/парковка), 2) риски (доступ скорой/пожарных), 3) варианты (шлагбаум с кодом, камеры, разметка). Предлагаю: каждый пишет по одному аргументу “за” и “против” без оценок людей».

Во втором примере рассматривается цифровая публичная дискуссия, в которой *destrudo* частично преобразуется в *construdo*, восстанавливаются адресность и мера, а коммуникативная среда получает шанс на диалогический резонанс. Пример показывает, что различение режимов не зависит от тематики, а определяется структурой речевого акта и его вектором.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово. Проблемы функциональной лексикологии. М., 2009. С. 11.
2. Аннушкин В.И. Коммуникативные качества речи в русской филологической традиции: учебное пособие. М.: Флинта, 2023. 88 с.
3. Апресян Р. Понятие ответственности в нравственной философии М.М. Бахтина // Вестник Ереванского университета, 2025. Т. 16. № 3(48). С. 47–57.
4. Арх. Амвросий. Живое слово: [Пособие по гомилетике]. Харьков, 1892. 105 с.
5. Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков // НЛЮ, 2015. №134. С. 21–44.
6. Барсов А.В. Два слова по поводу рецензии на Методику // Филологические записки, 1890. Вып. 2. С. 1–9.
7. Бахтин М.М. К философии поступка // Работы 20-х годов. Киев: Next, 1994. С. 9–69.
8. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. М., 1996. Т.5: Работы 1940-1960 гг. С.159–206.
9. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 423 с.
10. Белый А. Магия слов // Символизм. М.: Мусагет, 1910. С. 429–448.
11. Бернштейн С.И. Звучащая поэтическая речь и ее изучение // Поэтика. Т. 1. Л., 1926. С. 41–53.
12. Бранг П. Звучащее слово: заметки по теории и истории декламационного искусства / пер.: М. Сокольская, П. Бранг. М.: Языки славянской культуры, 2010. 301 с.
13. Валуев О.С. Творение «живого слова» как антропологическая инициатива российского образования // Журнал филологических исследований, 2023. Т.7. Вып. 2. С. 51–56.
14. Веселовский А.Н. Поэтика сюжетов / Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 300–306.
15. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [в 4 т.] // 2-е изд., испр. и знач. умнож. по рукописи автора. СПб.; М., 1881. Т. 2. С. 154.
16. Деррида Ж. Диссеминация / пер. с фр. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 608 с.
17. Жихарев С.П. Записки современника (1806-1809) // Редакция, статья и комм. Б.М. Эйхенбаума. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 835 с.
18. Залевская А.А. «Живое слово» и интерфейсная теория значения // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология», 2013. №24. Вып. 5. С. 54–61.
19. Иванова-Лукьянова Г.Н. Энергемы слова в учении А.Ф. Лосева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки, 2016. №. 2 (741), С. 200–209.

20. Комаров В.В., Лазарев А.И. Живое слово и его глубинные энергийные структуры: интеграция античных, богословских и психоаналитических концептов в метаязык Общей теории живого слова (ОТЖС) // Журнал филологических исследований, 2026. Т. 11. №1. С. 37–63.
21. Кривотулова Е.В., Лазарев А.И. Истоки и перспективы развития Общей теории живого слова в контексте Воронежской педагогической школы // Журнал филологических исследований, 2026. Т. 11. №1. С. 26–36.
22. Кулиш П.А. Черная рада: Хроника 1663 года. СПб., 1857.
23. Лазарев А.И. Социальный дух и гений общества как предпосылки конструктивного взаимодействия // Журнал философских исследований, 2023. Т. 9. № 3. С. 28–37.
24. Лазарев А.И. Консентология как перспективное направление для междисциплинарных исследований и искусственного интеллекта // Журнал социологических исследований, 2024. Т.9. № 3. С. 28–47.
25. Лазарев А.И. Метафора «живое слово» в лингвофилософском и богословском контексте: исследование фрагментов текстов в Google Books Ngram Viewer // Журнал философских исследований, 2024. Т.10. №1. С. 40–62.
26. Левин К. Динамическая психология: избранные труды / под общ. ред. Д.А. Леонтьева, Е.Ю. Патяевой. М.: Смысл, 2001. 572 с.
27. Ленин В.И. Что делать? // ПСС. 5-е изд. М., 1967. Т. 6. С. 66–67.
28. Малышев В.Б. Фундаментальные метафоры в метаязыке новоевропейской культуры // Докторская диссертация. СПб., 2013. 379 с.
29. Миловидов Г.А. О свободе и власти // Филологические записки, 1906. В. 1. С. 1–4.
30. Минералов Ю. Теория словесности А.А. Потебни // Вопросы литературы, 1990. № 12. С. 332–344.
31. Озаровский Ю. Музыка живого слова: Основы русского художественного чтения: Пособие для чтецов, певцов, драматических и оперных артистов, ораторов, педагогов. СПб., 1914. VI, [1], 320 с.
32. Петренко Д.И. Лингвистический витализм метапоэтики К.И. Чуковского / Под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 482 с.
33. Платон. Федр / Полное собрание творений Платона // Пер. С.А. Жебелёва. Петроград, 1922. 182 с.
34. Платон. Федр / Сочинения Платона // Пер. В.Н. Карпова. СПб.: «Странник», 1863. Т. 4. С. 17–116.
35. Протопопова И.А. Логос зоон: Платон и Деррида // Синий диван, 2008. № 10-11. С. 96–113.
36. Сковорода Г. О промысле, особенном для человека / Начальная дверь к христианскому добронравию (1766-1780) // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. М.: Госполитиздат, 1952. Т. I.
37. Тимофеев И. Временник (1610-1613) // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб, 1891. Т.13. С 261–472.
38. Фридеман Ф. Советы юношам, обучающимся в немецких гимназиях и университетах / Новые иностранные книги // Журнал Министерства народного просвещения, 1837. Том. 15. С. 621.
39. Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982-1983) / пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Дело РАНХиГС, 2020. 384 с.
40. Хованский А.А. Живое слово и живые факты // Филологические записки. Воронеж, 1899. Вып. 1. С. 1–8.
41. Хованский А.А. От редакции // Филологические записки, 1860. Вып. 1. С.1.
42. Хомяков А.С. Записки о всемирной истории // Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1883. 554 с.
43. Хоружий С.С. Очерки синергийной антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 408 с.

44. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. / [отв. ред. А.С. Стыкалин]; Акад. наук СССР, Ин-т философии. М.: Наука, 1991. Т. 1. С. 481.
45. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // Cognitive science. 1998. Vol. 22. № 2. P. 133–187.